U 367/494

СЛУЖЕБНЫЯ ПРАВА ДВОРЯНЪ.

А. И. Елишева.

Москва.
—
1894.

И. 367/494

СЛУЖЕБНЫЯ ПРАВА ДВОРЯНЪ.

А. И. Елишева.

Дозволено цензурой Москва, декабря 21, 1893 года.

Москва. Университетск. типогр., Страстн. бульв. **1894.**

I.

Служебныя права дворянъ.

„... дворяне, по одному имени своему, имѣютъ преимущественное предъ другими званіями право служить отечеству съ тѣмъ, чтобы имъ, по ихъ службѣ и по преимуществамъ въ оной, опредѣлена была особая милость, соотвѣтственная достоинству сего сословія, столько разъ показавшему свое усердіе къ отечеству".

(Мнѣніе кн. М. Щербатова, поданное Екат. Ком. для соч. проекта Новаго Уложенія 1767 г. Сб. Р. Ис. Общ., т. IV, стр. 152).

Проектъ преобразованія и историческая справка.

Въ теченіе послѣдняго года газеты неоднократно оповѣщали насъ, что въ подлежащихъ государственныхъ установленіяхъ окончательно выработанъ проектъ измѣненій и дополненій въ уставѣ о службѣ по опредѣленію отъ правительства.

Еще въ серединѣ семидесятыхъ годовъ возникъ вопросъ о пересмотрѣ дѣйствующихъ правилъ, о служебныхъ правахъ и ихъ отношеніи къ степени полученнаго образованія. Тогда же по этому поводу была учреждена особая коммиссія, которая, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ занятій, составила проектъ, разсматривавшійся въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта, причемъ онъ былъ возвращенъ тогда, для измѣненій и дополненій. Этотъ проектъ, вновь обработанный, и представляется нынѣ въ установленномъ порядкѣ.

«Министерство, говоритъ одна московская газета *), прежде всего указываетъ, что существующія у насъ ограниченія въ правахъ гражданской службы въ зависимости отъ происхожденія уже утратили свой смыслъ. Эти ограниченія были установлены въ свое время не столько для возвышенія дворянскаго сословія особыми правами, сколько для огражденія различныхъ интересовъ въ зависимости отъ существовавшихъ тогда условій военной службы (рекрутчина) или фиска (подушная подать) и т. п. Теперь эти условія уже не существуютъ. Край-

*) Русскія Вѣдомости № 14, 1893 г.

нее неравенство правъ лицъ совершенно равнаго образованія, но не равнаго происхожденія, не вызывается интересами гражданской службы; это едва ли требуетъ доказательствъ. Права на службу должны быть распредѣляемы на основаніи болѣе твердыхъ и объективныхъ данныхъ, имѣющихъ прямую и существенную важность для гражданской службы, именно на основаніи степеней и родовъ образованія. Въ настоящее время потомственный дворянинъ по окончаніи гимназическаго курса имѣетъ служебныя права въ два раза большія, — при тѣхъ же условіяхъ образованія, — чѣмъ сыновья православныхъ священно-служителей и купцовъ 1-й гильдіи, въ четыре раза большія, чѣмъ сыновья нечиновныхъ ученыхъ, въ восемь или въ десять разъ большія, чѣмъ питомцы приказовъ общественнаго призрѣнія и проч. Подобныя узаконенія, по мнѣнію министерства, нарушаютъ требованіе справедливости и вмѣстѣ съ тѣмъ вредятъ прямо тому сословію, въ пользу котораго они устанавливаютъ привиллегію. Дарованныя потомственному дворянству чрезмѣрныя преимущества по гражданской службѣ, по замѣчанію министерства, все болѣе и болѣе клонятъ къ оскуденію его высшимъ образованіемъ и къ оттѣсненію черезъ то отъ высшихъ

поприщъ дѣятельности какъ въ государственной службѣ, такъ и на литературномъ, напр., поприщѣ. Причина подобнаго явленія какъ нельзя болѣе понятна: законъ, надѣляя потомственныхъ дворянъ значительными преимуществами на низшихъ ступеняхъ образованія и уравнивая ихъ съ прочими классами населенія на высшихъ степеняхъ его, нисколько не поощряетъ первыхъ изъ нихъ къ высшему образованію, а, напротивъ, даже отклоняетъ отъ него, предоставляя болѣе или менѣе значительныя выгоды тѣмъ изъ нихъ, которые удовлетворяются курсомъ уѣзднаго училища или низшихъ трехъ классовъ средняго учебнаго заведенія. Въ виду указанныхъ соображеній проектируется совершенно уничтожить преимущества, предоставляемыя теперь въ гражданской службѣ на основаніи происхожденія. Служебныя права при опредѣленіи на службу предположено поставить въ соотношеніе только со степенью образованія».

Проектъ этотъ, если онъ вѣрно переданъ московской газетой, заслуживаетъ полнаго вниманія. Онъ весьма рѣшительно затрогиваетъ въ высшей степени важный вопросъ о служебныхъ правахъ дворянъ или, вѣрнѣе говоря, вполнѣ ихъ отмѣняетъ. Но права эти

древни, какъ вся наша исторія, и находятся въ тѣсной связи съ главнымъ назначеніемъ дворянства, какъ служилаго сословія, и уже одно это обязываетъ къ осторожному и всестороннему отношенію къ предположенной мѣрѣ, умышленно или неумышленно обойденной почти полнымъ молчаніемъ нашей печати, какъ и всѣ, впрочемъ, вопросы о нашемъ дворянствѣ.

Въ до-петровской Руси служба государству лежала исключительно на царскихъ чиновныхъ людяхъ—боярахъ, окольничьихъ, думныхъ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ. Великій преобразователь Россіи, при напряженіи всѣхъ силъ государства для войнъ и внутреннихъ преобразованій, нуждаясь въ служилыхъ людяхъ, которыхъ не могло ему доставить одно «шляхетство», долженъ былъ брать способныхъ людей изъ всѣхъ классовъ общества. Но это была неизбѣжная, временная мѣра, обусловленная чрезвычайными обстоятельствами, въ которыхъ находилась страна. Не только при Петрѣ Великомъ, но и позже недостатокъ въ гражданскихъ чиновникахъ былъ такъ великъ, что въ 1746 г. былъ изданъ указъ, предписывавшій

губернаторамъ и воеводамъ отыскивать канцелярскихъ служителей, скрывающихся по деревнямъ своимъ и опредѣлять ихъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ окажется недостатокъ, а если станутъ укрываться, то конфисковать ихъ имущество. Тѣмъ не менѣе, Петръ оставался вѣренъ старинному русскому отношенію къ дворянству, какъ служилому сословію, и насколько возможно стремился набирать офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ изъ шляхетства. Такой взглядъ Петра особенно рельефно проявился въ дѣлѣ посылки дворянскихъ недорослей въ заморскую науку. Извѣстно, что она не особенно давалась изнѣженнымъ и непривычнымъ къ новому и черному труду боярчамъ. По этому поводу въ 1715 г. Канонъ Зотовъ писалъ Государю изъ Франціи... «не худо бы было, если бы Ваше Величество указалъ архіерею рязанскому выбрать латинистовъ изъ средней статьи людей, т.-е. не изъ породныхъ... для того, что вездѣ породные презираютъ труды» *).

Въ отвѣтъ на это Петръ не переставалъ посылать за море людей «породныхъ».

---

*) Романовичъ-Словатинскій „Дворянство въ Россіи“, стр. 170. Изъ того же почтеннаго труда нами заимствованы и другія историческія данныя.

При преемникахъ Петра, когда государственная жизнь приняла болѣе тихое и нормальное теченіе, возникаютъ попытки ограничить поступленіе на гражданскую службу людей податныхъ состояній; такъ напр., въ 1727 г. повелѣно ни въ какія службы не опредѣлять крестьянъ и дворовыхъ людей. Ограниченія эти начинаютъ принимать систематическій характеръ и болѣе широкіе размѣры при Екатеринѣ II-й, когда слагался тотъ новѣйшій характеръ нашего дворянства, какъ обособленнаго бытоваго союза, который сохранился и до нашего времени. Наконецъ, въ 1771 г. категорически было запрещено принимать въ статскую службу людей податнаго состоянія (П. С. № 13. 596, 13. 760). Далѣе, въ 1779 г. опредѣлено точно, лица какихъ именно сословій пользуются правами гражданской службы и между этими сословіями на первомъ мѣстѣ было поставлено дворянство. Несмотря на продолжавшійся крайній недостатокъ въ канцелярскихъ служителяхъ въ областномъ управленіи, императрица Екатерина II строго слѣдовала этимъ началамъ и не допускала никакихъ изъятій.

Въ послѣдующія два царствованія подъ вліяніемъ крайней необходимости въ видѣ исключенія допускаются на гражданскую службу

лица податнаго состоянія и увеличивается число категорій лицъ, имѣющихъ на это право. Вопросъ этотъ упорядочивается окончательно императоромъ Николаемъ I, издавшимъ въ 1827 году положеніе о канцелярскихъ служителяхъ гражданскаго вѣдомства. Законъ этотъ подвергался наиболѣе существеннымъ измѣненіямъ въ 1834 г. и въ началѣ прошлаго царствованія, но основное начало,—преимущества по гражданской службѣ дворянства—остается неизмѣннымъ и до настоящаго времени.

На ряду съ ограниченіемъ права на гражданскую службу вообще, въ нашемъ законодательствѣ развиваются и ограниченія на производство въ чины въ зависимости отъ происхожденія. Извѣстно, что по идеѣ Петра ранги, т.-е. чины и классы, означали самыя должности. Но при пріемникахъ Петра такое значеніе чиновъ постепенно утрачивалось и они обратились лишь въ почетные титулы. Не должность опредѣляетъ уже чинъ, а чинъ даетъ право на полученіе должности. При этомъ видоизмѣненіи значенія чина, дворянство начинаетъ пользоваться привилегіями сравнительно съ другими сословіями. Начало этому положено въ 1772 году, когда повелѣно было въ представленіяхъ Сенату о награжденіи чинами про-

писывать изъ какого званія кто вступилъ въ службу. Въ 1790 же году были изданы точныя правила, предоставляющія дворянамъ значительныя преимущества въ чинопроизводствѣ по гражданской службѣ. Г. Романовичъ-Славатинскій въ своей книгѣ «Дворянство въ Россіи» совершенно справедливо признаетъ постановленіе это «какъ бы коррективомъ табели о рангахъ, такъ размножившей наше дворянство».

Радикально измѣненный, по указаніямъ Сперанскаго указомъ 6 августа 1809 года, введшимъ особые образовательные цензы для полученія чиновъ коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника, порядокъ этотъ вновь возстановленъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ положеніемъ 25 іюня 1834 г., причемъ, впрочемъ, было удержано весьма существенное начало предыдущаго узаконенія—преимущества, даваемыя образованіемъ. Представляется весьма знаменательнымъ, что дворянское происхожденіе давало льготы не только при производствѣ въ первый классный чинъ, но и при послѣдующихъ производствахъ изъ одного чина въ другой. Льготы эти были отмѣнены въ 1856 г.

Обращаясь къ нынѣ дѣйствующему законодательству, мы видимъ, что наши уставы при опредѣленіи въ гражданскую службу принимаютъ во вниманіе, какъ происхожденіе, такъ равно и образованіе, причемъ условія эти находятся между собою въ обратномъ отношеніи, т. е. чѣмъ выше степень образованія, тѣмъ менѣе значенія имѣетъ то или другое происхожденіе опредѣляемаго. Такъ, высшее образованіе или окончаніе курса гимназіи съ особымъ отличіемъ и награжденіемъ медалью вполнѣ уравниваетъ въ служебныхъ правахъ лицъ всѣхъ состояній. Въ отношеніи лицъ средняго образованія, дворянскому происхожденію уже придается довольно значительное преимущество. Что же касается тѣхъ изъ опредѣляемыхъ, которые получили образованіе ниже средняго, то потомственные дворяне производятся въ первый классный чинъ по выслугѣ двухъ лѣтъ, лица же другихъ состояній по выслугѣ срока отъ четырехъ до десяти лѣтъ, смотря по состоянію (Стат. 319, 320 и 322 Уст. о Сл.). Мѣщанъ, людей, принадлежащихъ къ «податному» сословію, сыновей неслужившихъ оберъ-офицерскихъ дѣтей и пр. запрещается вовсе принимать въ гражданскую службу, исключая тѣхъ изъ нихъ, которые пріобрѣли право на

первый классный чинъ по мѣсту своего воспитанія, т.-е. въ учебныхъ заведеніяхъ не ниже средняго или узаконеннымъ порядкомъ удостоены ученой или академической степени.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что согласно нашему основному историческому порядку двери государственной службы на поприщѣ гражданскомъ открыты прежде всего для дворянства; но затѣмъ въ нихъ допускаются и люди другихъ состояній, причемъ въ извѣстныхъ предѣлахъ образованіе признается какъ бы эквивалентомъ родовитости. Насколько принципъ этотъ жизненъ и устойчивъ въ нашемъ законодательствѣ, видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что, несмотря на самое широкое распространеніе въ нашемъ обществѣ демократическихъ идей и оппозиціи сословности, онъ сохраненъ въ одномъ изъ самыхъ важныхъ узаконеній послѣдняго времени — въ положеніи о земскихъ начальникахъ.

Это начало въ организаціи гражданской службы исходитъ изъ другой, болѣе глубокой основы нашей государственности, — изъ сословнаго строя общества. Собственно говоря, принципіально къ этому и сводится весь вопросъ. Съ безсословной, демократической точки зрѣнія всякое служебное преимущество, обусловлен-

ное не личными способностями и образованіемъ, а происхожденіемъ, неизбѣжно является пережиткомъ дряхлой старины и вопіющей, ничѣмъ не оправдываемой, несправедливостью по отношенію къ непривелигированной массѣ народа. Совсѣмъ къ иному выводу придемъ мы, отправляясь отъ идеи сословнаго государства, какимъ была и есть Россія, несмотря на всѣ усилія, которыя дѣлала въ послѣднюю четверть вѣка западно-европейская демократическая мысль, чтобы сдвинуть нашу жизнь съ бытовыхъ сословныхъ устоевъ. Особыя права и преимущества въ соединеніи съ особыми обязанностями и есть именно самая сущность сословій съ русской государственной точки зрѣнія; безъ нихъ у насъ не было бы и никакихъ сословныхъ группъ и непріязненное отношеніе къ самому понятію «сословныя привилегіи», установившееся у насъ съ шестидесятыхъ годовъ, есть лишь предразсудокъ чужеземнаго происхожденія. Поэтому служилый классъ страны не можетъ не имѣть и соотвѣтственныхъ служебныхъ преимуществъ; они составляютъ выраженіе самого raison d'être сословія. Внутренняя политика прошлаго царствованія показала намъ, какъ все значеніе этихъ сословныхъ преимуществъ, такъ и послѣдствія, которыя влечетъ за собою ихъ отмѣна.

Въ теченіе четверти вѣка дворянство утрачивало свои служебныя права одно за другимъ. Уже на второй годъ царствованія Императора Александра II въ 1856 г. дворянство лишается своихъ преимуществъ при повышеніи въ гражданскіе чины. Затѣмъ, какъ сословіе, оно устраняется отъ мѣстной полицейской и судебной службы, а съ уничтоженіемъ мировыхъ посредниковъ и изъ крестьянскаго управленія *). Одновременно съ этимъ рядомъ реформъ въ военномъ вѣдомствѣ и введеніемъ всеобщей воинской повинности, дворянство вполнѣ утрачиваетъ свои служебныя права на поприщѣ службы военной: корпусъ офицеровъ начинаетъ пополняться людьми всѣхъ состояній. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ мѣропріятій, была полная дезорганизація сословія, смѣшеніе значительной части его съ безсословной «интеллигенціей», и нарушеніе связи правительства съ мѣстнымъ населеніемъ, съ землей, черезъ помѣстное дворянство.

Положеніе дошло до того, что можно опа-

*) Требованіе дворянскаго происхожденія отъ непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій не можетъ идти въ счетъ, какъ по ничтожному значенію самой должности, такъ и потому, что избраніе въ нее производилось безсословными земскими собраніями.

саться полной утраты государственной властью своего исконнаго служилаго сословія, имѣющаго за себя то, что разъ будучи разрушено, уже никакими силами не возсоздается вновь: многовѣковое существованіе, сословный духъ, традиціи и преданія.

Государственная служба на Руси искони стояла высоко и честно; между всѣми родами многообразной человѣческой дѣятельности ей принадлежало первое мѣсто. Только служба Царю и отечеству давала значеніе и почетъ. Государственная идея всегда у насъ доминировала и давала направленіе силамъ народа, какъ интеллектуальнымъ, такъ и матеріальнымъ, сообразно своимъ цѣлямъ и видамъ. Высшій, наиболѣе развитой и обезпеченный слой народа былъ въ то же время и служилый классъ государства; оно берегло, одѣляло правами, возвышало его для нуждъ всей страны; но ставя высоко достоинство своихъ служилыхъ людей, оно предъявляло къ нимъ и высокія требованія. Верховная власть не могла, какъ частный промышленникъ, довольствоваться одними личными способностями случайнаго наемника. Государственная мысль измѣряетъ теченіе времени не съ точки зрѣнія краткой человѣческой жизни, а съ высоты многовѣковыхъ сѣдинъ жизни на-

рода. Поэтому русскіе цари въ полной мѣрѣ цѣнили лишь вѣрную службу себѣ не одной жизни, а ряда поколѣній. Наше служилое сословіе никогда не было замкнутымъ, но вступленіе въ него было не легко и чаще всего бывало наградой труда и дарованій не только самого вступающаго, но и его дѣдовъ и прадѣдовъ. Эти «сословныя привилегіи» добывались не дешевой цѣной, а потомъ и кровью и, конечно, были не несправедливостью, а полезнымъ государственнымъ установленіемъ. Быть можетъ, вся наша исполинская созидательная государственная работа совершена не безъ вліянія этого стремленія быть сопричисленнымъ къ избранному разряду гражданъ.... Дисциплинируя и направляя дѣятельность цѣлаго рода на протяженіи многихъ поколѣній, оно создавало вѣрныхъ, преданныхъ государственной идеѣ, царскихъ слугъ, которыми такъ оскудѣло наше время, стремясь къ замѣнѣ ихъ «общественными дѣятелями». Какъ въ дворянскихъ, такъ и стремящихся къ дворянству семьяхъ свято хранилась и передавалась отъ отца къ сыну и здоровая политическая закваска, и завѣты старины, и истинно патріотическія чувства. Служилое сословіе формировалось не только путемъ наслѣдственной передачи природныхъ интеллектуаль-

ныхъ свойствъ, но и путемъ воспитанія въ семьѣ и сословной средѣ, соотвѣтствующаго будущей дѣятельности служилаго человѣка. Если кровь, происхожденіе, неизбѣжно кладетъ свой глубокій отпечатокъ на темпераментъ и характеръ человѣка, то семья и воспитаніе болѣе всего обусловливаютъ гражданское развитіе и политическое направленіе, свойство которыхъ особенно важно въ нашемъ отечествѣ, такъ какъ по характеру обширной страны и уровню гражданскаго развитія населенія представители правительства всегда снабжаются у насъ обширными полномочіями и, конечно, государственная власть скорѣе могла найти надежныхъ служилыхъ людей въ искони ей преданномъ и испытанномъ сословіи, самое существованіе котораго было вызвано и обусловлено царской службой, чѣмъ въ средѣ разношерстнаго разночинства, даже въ лицѣ его наиболѣе способныхъ и образованныхъ представителей.

Отношеніе къ послѣднимъ нашего послѣпетровскаго законодательства въ принципѣ было въ высшей степени мудрое. Оно не только не отвергало ихъ труда и знаній совершенно, цѣпя ихъ какъ рабочую силу, но и открывало имъ доступъ въ служилое сословіе. Но эта высшая награда была обусловлена болѣе или менѣе

долгимъ предварительнымъ искусомъ на той же государственной службѣ, и только прошедшіе чрезъ горнило ея дисциплины путемъ тяжелаго труда достигали дворянскаго званія. Ни богатство, ни образованіе и способности сами по себѣ не давали еще никакихъ правъ, которыя имѣли значеніе особой царской милости за дѣятельность, полезную для государства. «А главное—поди-ка послужи»—какъ бы говорила государственная власть честолюбивому и способному разночинцу.

Эта трудность—правда, не во всѣ времена одинаковая,—достиженія высшаго состоянія въ связи съ его серіозными правами и преимуществами, дѣлала выслугу дворянства пастойчивымъ стремленіемъ многихъ послѣдовательныхъ поколѣній и тѣмъ доставляла правительству болѣе или менѣе надежный разрядъ низшихъ служилыхъ людей. И дворянствомъ дорожили, и званіе дворянина стояло высоко и внушало общее уваженіе. Одинъ изъ такихъ честолюбивыхъ разночинцевъ, проведшій свою юность въ глухой провинціи еще въ эпоху крѣпостнаго права, признавался пишущему эти строки, что завѣтной и дерзкой по тѣмъ временамъ мечтой его юности было сдѣлаться дворяниномъ въ своемъ родномъ уѣздѣ и хоть на одинъ день

быть избраннымъ въ предводители: онъ грезилъ объ этомъ высшемъ отличіи какъ подростокъ-американецъ грезитъ о президентскомъ креслѣ... О чемъ грезитъ современная юность? Во всякомъ случаѣ едва-ли о дворянствѣ.

II.

«Сліяніе сословій».

Выше, въ исторической справкѣ о служебныхъ правахъ дворянства, мы пытались въ нѣсколькихъ словахъ уяснить тѣ обстоятельства нашей государственной жизни, которыя создали эти права въ прошломъ. Но сохранились ли тѣ же условія въ современномъ государственномъ строѣ, общественномъ бытѣ и взаимномъ соотношеніи сословій? Не представляются ли служебныя права дворянства анахронизмомъ, отжившей свой вѣкъ и несправедливой привилегіей, представляющей лишь помѣху для пополненія личнаго состава различныхъ отраслей управленія? Вышеприведенный проектъ, если вѣрить сообщенію московской газеты, категорически рѣшаетъ послѣдній вопросъ въ положительномъ смыслѣ, по такой взглядъ, по нашему мнѣнію, едва ли можно признать правильнымъ.

Занимающій насъ вопросъ, какъ мы и замѣтили уже въ предыдущей статьѣ, неизбѣжно сводится къ другимъ въ высшей степени важнымъ, быть можетъ, самымъ важнымъ вопросамъ, какіе только предъявляетъ наша современная жизнь: существуютъ ли у насъ еще сословія? и если существуютъ, то каково должно быть отношеніе государственной власти къ высшему сословію—дворянству? Можетъ быть скажутъ, что первый вопросъ странно даже и ставить, что на него лишь можно отвѣтить другимъ вопросомъ: да развѣ въ существованіи сословій можетъ быть какое нибудь сомнѣніе? Развѣ всякій живущій въ Россіи не убѣждается въ этомъ изъ ежедневныхъ и ежечасныхъ наблюденій? Но къ сожалѣнію даже въ подобныхъ вопросахъ, въ вопросахъ о фактѣ, мы далеки отъ единогласія. Большая часть нашей печати въ теченіе цѣлой четверти вѣка такъ настойчиво увѣряла насъ, что никакой сословной жизни у насъ нѣтъ, съ такимъ рвеніемъ старалась отучить насъ отъ «сословныхъ предразсудковъ», что мы и въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что сословія, слагавшіяся и существовавшія чуть не цѣлое тысячелѣтіе вдругъ исчезли на Руси, точно по щучьему велѣнію. Да и какъ было не убѣдиться и не повѣрить. Пусть

отдѣльныя лица могутъ ошибаться; пусть литературные кружки и партіи могутъ увлекаться и впадать въ односторонность, но на лицо были факты, болѣе вѣскіе и внушительные: все наше законодательство прошлаго царствованія, за ничтожнымъ исключеніемъ, систематически игнорировало существованіе нашихъ древнихъ бытовыхъ группъ, какъ будто ихъ и не было вовсе, вся наша внутренняя политика съ шестидесятыхъ годовъ вдругъ свернула на «всесословную» или, говоря вѣрнѣе «безсословную» дорогу.

Но народная жизнь — не политика, и заморскіе вѣтры, такъ долго бурлившіе теченіе этой жизни, безсильны измѣнить ея историческое, самобытное русло. Какъ ни велико у насъ, при нашемъ государственномъ устройствѣ, значеніе верхнихъ направленій, но все же они безсильны увлечь за собой тихія глубины народнаго быта. Упраздненіе сословныхъ группъ на бумагѣ, не уничтожило ихъ въ жизни. Сколь ни много потрудилась и наша литература, и наша «интеллигенція» надъ «сліяніемъ сословій», какъ ни много было разрушено подъ этимъ знаменемъ въ нашей самобытной культурѣ, все же это «сліяніе» существуетъ больше въ воображеніи, чѣмъ на дѣлѣ. Своеобразный бытъ мно-

гомилліонной массы сельскаго населенія, этого источника нашей государственной мощи, во многомъ испорченъ, во многомъ заразился отрицательными сторонами западно-европейской цивилизаціи, но въ главномъ, въ основѣ своей остался такимъ же самобытнымъ, какимъ былъ при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Самые крайніе сторонники «уравнительныхъ» теорій не утверждаютъ противнаго. Такъ, какъ ни разнообразны были мнѣнія печати о послѣднемъ преобразованіи волостныхъ судовъ, всѣ они сходились въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, въ области гражданскихъ отношеній, къ крестьянской средѣ вполнѣ непримѣнимы наши законы о правѣ собственности—до такой степени бытъ главной массы нашего сельскаго населенія отличенъ отъ быта другихъ сословій.

Гораздо сложнѣе вопросъ о дворянствѣ. Безспорно въ немъ лишь то, что это сословіе болѣе другихъ подвергалось тяжкимъ ударамъ духа времени. Не станемъ ихъ перечислять—они у всѣхъ въ памяти, а вещественные слѣды ихъ и теперь еще наводятъ на путника унынiе и тоску почти въ любомъ уголкѣ Европейской Россіи. Да, эти разрушенныя усадьбы, эти «расчищенные» сады и парки, эти высохшіе

пруды и вырубленные вѣковые лѣса еще долго будутъ служить печальными памятниками нѣкогда цвѣтущей культуры. Иные мирные «перевороты» бываютъ разрушительнѣе вражескихъ нашествій. За четверть вѣка бытъ дворянства пришелъ въ крайнее разстройство, оно оскудѣло матеріально, утратило много земель, упало духомъ, какъ сословіе, и утратило почти всѣ свои права и преимущества. Тѣмъ не менѣе, ему еще принадлежитъ наибольшая площадь частновладѣльческихъ земель, и число дворянъ-землевладѣльцевъ, мелкихъ и крупныхъ, достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Характерныя бытовыя черты прежняго дворянства и отношенія къ другимъ сословіямъ во многомъ измѣнились, во многомъ и дворянства коснулся духъ времени, но едва ли кто нибудь станетъ утверждать, что наше дворянство «слилось» съ крестьянствомъ. Воспитаніе и гражданское развитіе, условія труда и дѣятельности, повседневные обычаи и правовыя воззрѣнія, традиціи и преданія, словомъ, весь складъ жизни рѣзко обособляютъ эти сословныя группы одну отъ другой. Ни совмѣстное участіе въ земскихъ собраніяхъ, ни засѣданія на одной и той же скамьѣ въ судѣ присяжныхъ — увы — ни на шагъ не подвинули «сближеніе» сословій, которое

такъ самоувѣренно возвѣщалось, какъ наступающее и чуть ли не наступившее.

Случилось даже нѣчто совершенно обратное и неожиданное. Вѣковыя связи, сближавшія сословія однороднымъ занятіемъ земледѣліемъ и множествомъ общихъ интересовъ, были рѣзко разорваны, а вмѣсто нихъ полное административное и судебное неустройство сельскаго населенія внесло въ отношенія между крестьянами и помѣстнымъ дворянствомъ вполнѣ чуждые имъ до того времени элементы вражды и недоброжелательства. Вмѣсто «сліянія» явились взаимная отчужденность, и, безспорно, что, какъ во время крѣпостнаго права, такъ и въ первые годы по освобожденіи, помѣщикъ стоялъ ближе къ крестьянину, имѣлъ съ нимъ болѣе общаго, чѣмъ десять лѣтъ спустя. Вспомните Николая Ростова изъ «Войны и Мира», этотъ прелестный типъ малообразованнаго, грубоватаго, но всегда искренняго и своеобразнаго помѣстнаго дворянина крѣпостной эпохи; суровый и строгій съ своими крестьянами, воображавшій даже себѣ «что онъ терпѣть не можетъ мужика», «онъ всѣми силами души любилъ этотъ нашъ русскій народъ и его бытъ», такъ что графиня Марія даже «ревновала своего мужа къ этой любви его». Конечно, можно сказать, что эта

духовная связь прежняго помѣщика съ крестьянами обусловливалась существованіемъ крѣпостнаго права, учрежденія, давно и безусловно отживавшаго свой вѣкъ, но все же такіе типы, какъ Ростовъ, — а ихъ не мало въ безсмертныхъ произведеніяхъ нашей литературы,— вполнѣ подтверждаютъ только что высказанную нами мысль. Во всякомъ случаѣ отношеніе деревни къ сосѣдней помѣщичьей усадьбѣ, какъ къ вражескому стану — печальное, но весьма нерѣдкое явленіе позднѣйшаго времени — едва ли свидѣтельствуетъ объ «общеніи сословій».

Существуютъ различныя мнѣнія о томъ, представляется ли сліяніе, взаимная ассимиляція сословныхъ группъ, явленіемъ прогресса или регресса въ жизни человѣческихъ обществъ, даже тогда, если это сліяніе совершается естественнымъ ходомъ органическаго развитія. Но куда бы ни привелъ такой прогрессъ въ своемъ конечномъ результатѣ, болѣе или менѣе тѣсная причинная связь между его безконечными стадіями придаетъ ему характеръ нормальности и послѣдовательности. Въ этомъ случаѣ ассимиляція сословій совершается прежде всего въ повседневномъ взаимномъ общеніи, въ условіяхъ быта, интеллектуальнаго и гражданскаго развитія. Только по мѣрѣ такого фактическаго

сліянія измѣняются и правовыя воззрѣнія и неизбѣжно влекутъ за собою соотвѣтственное преобразованіе юридическихъ нормъ: отжившія формы отпадаютъ безболѣзненно, какъ засохшіе листья, и замѣняются новыми...

Таковъ ли былъ путь, по которому долженъ былъ совершаться нашъ процессъ сліянія сословій? Нѣтъ, намъ суждено было избрать явно ненормальный, обратный порядокъ: мы начали съ измѣненія нашихъ юридическихъ нормъ и хотѣли вогнать въ нихъ и нашъ бытъ, и весь самобытный складъ нашей жизни.

Можемъ ли недоумѣвать, что такой ложный путь не привелъ къ намѣченной цѣли? Будемъ ли удивляться болѣзненному процессу, обрубивъ еще зеленые листья?

Реформы прошлаго царствованія, поставивъ на мѣсто старыхъ отжившихъ свой вѣкъ учрежденій, новыя, болѣе совершенныя, безспорно, принесли много пользы; но эта польза въ значительной мѣрѣ парализовалась ихъ органическимъ недостаткомъ: въ основу ихъ было положено принудительное «равненіе» сословій, принципъ безсословности, тогда какъ въ дѣйствительности общество продолжало оставаться такимъ же сословнымъ, какимъ оно было и во времена крѣпостнаго права.

Законодательство, такъ называемой, «эпохи реформъ», видѣло передъ собою гораздо болѣе отвлеченнаго, воображаемаго «гражданина», чѣмъ реальнаго крестьянина, купца и помѣщика. Изъ за предполагаемаго, чаемаго сліянія этихъ нашихъ трехъ основныхъ типовъ гражданъ, игнорировались насущныя общественныя потребности, обусловливаемыя особенностями сословнаго быта, но все же никакого «сліянія» не произошло. И если къ концу четверти вѣка сословія оказались въ чемъ дѣйствительно «уравненными», то развѣ въ отношеніи упадка и обѣднѣнія.

Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о купечествѣ, о промышленномъ классѣ, о нашемъ «третьемъ» сословіи. Безъ сомнѣнія ассимиляція съ дворянствомъ въ бытовомъ отношеніи сдѣлала здѣсь болѣе замѣтные шаги, но и то лишь исключительно въ небольшихъ кружкахъ очень богатаго и сравнительно образованнаго купечества столицъ и крупныхъ промышленныхъ центровъ. На всемъ же остальномъ протяженіи имперіи бытъ купечества, вообще у насъ немногочисленнаго и невліятельнаго, измѣнился болѣе по внѣшности. Оно нѣсколько объевропеилось, утратило простоту прежняго образа жизни, въ повседневномъ обиходѣ стремится под-

ражать дворянству. Но особенность профессіональныхъ занятій налагаетъ неизгладимый сословный отпечатокъ какъ на его міровоззрѣніе и гражданское развитіе, такъ и на отношенія къ остальному населенію и нашъ современный промышленный классъ такъ же чуждъ настоящей «землѣ», т. е. крестьянству и помѣстному дворянству, какъ и въ былое время.

Одно время купечество весьма охотно скупало помѣстья разорившихся дворянъ. Но, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ оно плохо удерживается на землѣ и, истощивъ почву и вырубивъ сады, парки и лѣса, возвращается къ своимъ исконнымъ занятіямъ. Тѣмъ не менѣе многіе представители этого сословія обратились въ настоящихъ сельскихъ хозяевъ и не безъ успѣха ведутъ свое дѣло. Быть можетъ, съ теченіемъ времени путемъ заслугъ передъ государствомъ имъ суждено будетъ пополнить собою разстроенные ряды нашего земельнаго дворянства.

Все вышеизложенное мы высказали въ надеждѣ подкрѣпить нашу главную мысль: современная Россія живетъ такою же сословною жизнью, какъ и въ крѣпостную эпоху, но политика «сліянія», проводимаго сверху въ теченіе прошлаго царствованія, привела къ раз-

стройству и упадку оба основныя наши сословія — и крестьянство и дворянство.

III.

Государственное значеніе дворянства.

Утвердительное разрѣшеніе вопроса о томъ, сохранила ли современная Россія свой исконный сословный строй жизни, даетъ намъ основаніе для разсмотрѣнія втораго изъ поставленныхъ нами вопросовъ, а именно: каково должно быть отношеніе государства къ высшему изъ нашихъ сословій - дворянству? Должна ли продолжаться политика прошлаго царствованія, проводившая «сліяніе сословій» какъ въ области быта, такъ и въ области права, политика, приведшая къ упадку дворянства, или наоборотъ, дворянство, какъ сословіе, должно быть охраняемо и, быть можетъ, даже возстановляемо въ предѣлахъ обусловливаемыхъ требованіями современной жизни?

Несмотря на свое разстройство и обѣдненіе, дворянство до сихъ поръ является нашей первой, послѣ верховной власти, государственной и культурной силой. Реформы прошлаго царствованія во многихъ отношеніяхъ принесли

пользу единственно потому, что главными дѣятелями вновь созданныхъ учрежденій явились дворяне. Почти исключительно ихъ участіемъ держалось не только земское самоуправленіе, въ средѣ котораго было ихъ настоящее мѣсто, какъ владѣльцевъ помѣстій, но во многихъ случаяхъ и самоуправленіе городское, членами котораго они явились лишь болѣе или менѣе случайно.

Дворянству же, по крайней мѣрѣ до самаго послѣдняго времени, принадлежитъ первое мѣсто не только на поприщѣ государственной службы, что могло бы найти себѣ нѣкоторое объясненіе въ правахъ и привиллегіяхъ, а также и на поприщѣ науки, искусства и литературы. Но эти яркія, блестящія отличія блѣднѣютъ передъ громаднымъ значеніемъ дворянства на необъятномъ пространствѣ имперіи, въ уѣздахъ, въ помѣстьяхъ, вполнѣ справедливо признаваемыхъ даже и нынѣ за настоящіе культурные центры для окружающаго населенія.

Все прошлое нашего дворянства въ общемъ говоритъ о немъ не только какъ о силѣ, но и какъ о силѣ доброй. Этого мало, важнѣе всего то, что оно всегда было силой государственной. Государство воспитало и взлелѣяло эту силу и всегда держало ее въ своихъ рукахъ; поэтому

она никогда не была чуждой государству, никогда не имѣла самостоятельнаго отъ него существованія и никогда не предъявляла къ нему никакихъ притязаній. Наше дворянство даже въ поры наибольшаго развитія своей мощи не верховенствовало надъ народомъ, а лишь помогало верховной власти править имъ, по полномочію и отъ имени этой власти, служа ей и отъ нея завися; оно никогда не представляло изъ себя Etat dans l'Etat, подобно дворянству, напримѣръ, французскому; оно лишалось своихъ политическихъ правъ по такимъ же свободнымъ велѣніямъ верховной власти, по какимъ и надѣлялось ими, сообразно современнымъ нуждамъ страны.

Можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что государство должно сохранить эту силу не только для культурныхъ, но и главнымъ образомъ, для собственно государственныхъ цѣлей? Это обусловлено какъ всею нашею исторіею, такъ и простою экономіею силъ страны.

Лучшимъ хранителемъ нашихъ политическихъ завѣтовъ и преданій является безспорно крестьянство Оно еще вполнѣ самобытно и имѣетъ слишкомъ мало общенія съ западно-европейскимъ міромъ, чтобы онъ могъ поколебать его основное міровоззрѣніе. Но крестьянство не

имѣетъ вліянія въ повседневной политической жизни; оно образуетъ прочный и устойчивый базисъ, хотя значеніе его представляется болѣе пассивнымъ, чѣмъ активнымъ. Дѣйствительная политическая роль всегда у насъ принадлежала и должна принадлежать дворянству. Оно было и должно быть выразителемъ нашей государственной идеи и преданій. Правда, въ этомъ отношеніи на высшемъ служиломъ сословіи лежитъ длинный списокъ грѣховъ за петербургскій періодъ нашей исторіи, но справедливость требуетъ сказать, что грѣхи эти въ значительной мѣрѣ находятъ себѣ оправданіе въ жизни болѣе культурныхъ, чѣмъ наше отечество, странъ Европы.

Допустимъ однако, что такъ или иначе дворянство обойдено, оно игнорируется, оно уничтожено; государственная власть тогда оказалась бы лицомъ къ лицу съ многомилліоннымъ моремъ крестьянства, которымъ можно было бы управлять лишь однимъ путемъ— путемъ бюрократическимъ. Несостоятельность такого исхода вполнѣ очевидна. По старинному укладу нашему старшинство на государственной службѣ имѣютъ лишь старшіе въ быту. Родовитый боярининъ стоялъ въ бытовомъ отношеніи головой выше рядоваго человѣка; послѣдній, привык-

нувъ къ его авторитету въ ежедневномъ общеніи, относился къ нему съ довѣріемъ и уваженіемъ и тогда, когда видѣлъ его на государевой службѣ, будь то въ боевомъ снаряженіи, будь то въ мѣстномъ управленіи.

Но если дворянство, какъ сословіе, имѣетъ право на существованіе, то все его историческое прошлое показываетъ, что это существованіе можетъ быть гарантировано лишь однимъ путемъ: сохраненіемъ за дворянствомъ его служебной роли въ государствѣ, а слѣдовательно, и его служебныхъ правъ и обязанностей.

Служебное право и есть настоящее дворянское право. Какъ ни важно было само по себѣ владѣніе крѣпостными, но и оно, съ государственной точки зрѣнія, находило себѣ оправданіе единственно, какъ средство для осуществленія служебнаго назначенія высшаго сословія. Съ тою же цѣлью дворянство щедро надѣлялось и другими привилегіями.

Слово «привилегіи» въ современной печати нерѣдко употребляется, какъ синонимъ чего-то нарушающаго общія права, противообщественнаго. Конечно, это лишь одинъ изъ многихъ современныхъ предразсудковъ. Созданіе государствомъ «привилегій» и привилегированныхъ положеній отнюдь не есть еще нарушеніе

интересовъ всѣхъ въ пользу немногихъ счастливцевъ, какъ это нерѣдко понимаютъ. Все дѣло въ томъ, каковы эти привилегіи. Если государство взамѣнъ даруемой имъ привилегіи получаетъ эквивалентную цѣнность, понимая послѣднее слово, конечно, въ самомъ широкомъ смыслѣ, то нѣтъ никакихъ основаній говорить о вредѣ такой привилегіи. Такъ, напримѣръ, самый образовательный цензъ безспорно есть привилегія, но никто не думаетъ отрицать его пользы.

При сословномъ строѣ нашего общества привилегіи въ пользу высшаго служилаго класса необходимы и неизбѣжны. Мало того, онѣ должны быть болѣе или менѣе значительны и существенны настолько, чтобы съ одной стороны ими дорожили тѣ, кто владѣетъ, а съ другой, чтобы онѣ могли составлять предметъ желаній и стремленій для тѣхъ, кто совмѣщаетъ въ себѣ условія, необходимыя для ихъ пріобрѣтенія. Поэтому цѣль, преслѣдуемая созданіемъ привилегій служилаго сословія, не можетъ быть достигнута, если онѣ будутъ ограничены лишь оставленіемъ названій, титуловъ, гербовъ и т. п. чисто внѣшнихъ отличій — къ чему у насъ почти свелось уже дѣло—могущихъ сами по себѣ служить лишь для удовлетворенія мелочнаго

тщеславія, а никакъ не составлять основаніе важнаго государственнаго учрежденія. Предѣлы особенныхъ правъ и преимуществъ обусловливаются единственно самымъ назначеніемъ сословія, но въ предѣлахъ этихъ они должны быть достаточно широки и реальны, такъ какъ иначе сословіе было бы лишено возможности выполнять возлагаемыя на него задачи.

Наше дворянство есть учрежденіе политическое и государство можетъ разсчитывать на его полезность и значеніе лишь постольку, поскольку оно само надѣлило его необходимыми для того политическими правами и полномочіями.

Обычное возраженіе противъ сословныхъ привиллегій заключается въ томъ, что онѣ возбуждаютъ будто бы сословную вражду и ненависть. Не касаясь вопроса о томъ насколько обстоятельство это имѣетъ значеніе для другихъ странъ, мы можемъ сказать лишь, что вражда сословій есть явленіе безусловно неизвѣстное нашей бытовой исторіи. И наоборотъ, существованіе сословныхъ правъ и преимуществъ имѣетъ за себя всю исторію нашего права. Они всегда существовали, существуютъ и нынѣ, и предѣлы ихъ лишь колебались въ зависимости отъ потребностей времени, не возбуждая при своемъ расширеніи ни антогонизма, ни демократической

зависти, столь свойственныхъ народнымъ массамъ западной Европы. Только дарованіе новыхъ привилегій одной группѣ населенія передъ другой – и лишь въ томъ случаѣ если эти привилегіи не вызываются потребностями страны—создаетъ неудобства. Здравыя политическія понятія всегда составляли отличительную черту нашего народа; онъ не утратилъ подъ вліяніемъ чужеземныхъ ученій, подобно части образованнаго общества, самостоятельности политической мысли, а потому и понимаетъ, что особыя сословныя права и преимущества даруются верховной властью лишь для государственной нужды, а не для того, чтобы одинъ разрядъ государевыхъ людей возвышать надъ другимъ.

Однимъ изъ основаній сословныхъ привилле гій служитъ признаніе «заслугъ предковъ» Давая обильную пищу для дешеваго остроумія, принципъ этотъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергается демократіей—по крайней мѣрѣ въ теоріи. На дѣлѣ же находитъ себѣ примѣненіе и въ наиболѣе крайнихъ народоправствахъ. Вспомните избраніе въ президенты французской республики г. Сади-Карно. Всѣ его данныя на этотъ высокій постъ заключались почти единственно въ «заслугахъ предковъ». Благодаря подобной же причинѣ выдвинулся на

политической аренѣ г. Кавеньякъ. Въ одной газетѣ пресерьезно была высказана мысль, что этимъ двумъ фамиліямъ суждено, быть можетъ, послужить родословнымъ корнемъ для республиканскихъ (?) династій Франціи. Все это объясняется тѣмъ, что общественныя заслуги предковъ составляютъ нѣчто вполнѣ реальное по отношенію къ ихъ потомкамъ, а потому и не могутъ не имѣть значенія и не увеличивать достоинство этихъ послѣднихъ. Въ теоритическихъ разсужденіяхъ демократія признать этого не хочетъ, такъ какъ это шло бы въ разрѣзъ съ ея основными принципами, а потому на дѣлѣ и впадаетъ сама собою въ противорѣчія. Только что осмѣиваемыя «заслуги предковъ» начинаютъ вновь цѣниться съ однимъ лишь измѣненіемъ: вмѣсто заслугъ передъ «престоломъ и отечествомъ» говорится о заслугахъ передъ «народомъ». Но развѣ это измѣняетъ сущность дѣла?

Главная мысль проекта объ измѣненіи существующихъ уставовъ о службѣ гражданской, изложеніемъ котораго мы начали наши бѣглыя замѣтки, сводится къ полной отмѣнѣ послѣднихъ изъ давнихъ и освященныхъ временемъ служебныхъ правъ дворянства. Случись эта от-

мѣна передъ изданіемъ положенія о земскихъ начальникахъ и въ нашемъ законодательствѣ не осталось бы и слѣда особенныхъ правъ и преимуществъ стариннаго служилаго сословія. Только эти, предназначенныя къ отмѣнѣ, права и сохранили преемственную связь между нынѣ дѣйствующими привилегіями дворянства по службѣ и богатымъ прошлымъ нашего права въ этой области. Обстоятельство это придаетъ особо важное значеніе разсматриваемому нами проекту. Разрушать легче, чѣмъ созидать. Начало права, разъ утраченное, не легко вводится въ него вновь, всегда вызывая тяжелыя ломки и и перестроенія въ бытовой жизни. Съ этой точки зрѣнія отмѣна правъ и преимуществъ дворянства въ гражданской службѣ составила бы предпослѣдній шагъ въ дѣлѣ полной утраты дворянствомъ своего служилаго назначенія. Остался бы лишь законъ 12 іюля 1889 г.— и мы на вполнѣ расчищенной дорогѣ къ безсословности. Но это ли нашъ путь? Туда ли мы идемъ?— объ этомъ стоитъ подумать.

Многія дворянскія собранія послѣднихъ лѣтъ возбуждали ходатайства объ отмѣнѣ права на пріобрѣтеніе дворянства путемъ производства въ извѣстный чинъ или награды орденомъ и вообще объ ограниченіи доступа въ сословіе. Этотъ

вопросъ имѣетъ за собою болѣе чѣмъ вѣковое существованіе. Того же добивались и представители дворянъ въ знаменитой Екатериненской Коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Нельзя не сознаться, что размноженіе нашей бюрократіи, вызванное потребностями современной жизни, дѣйствительно, даетъ такое увеличеніе числа дворянскихъ родовъ, которое не соотвѣтствуя потребности, ведетъ лишь къ умаленію почетности званія. Разсматриваемый нами проектъ находится въ полномъ противорѣчіи съ упомянутыми ходатайствами, такъ какъ, очевидно, что отмѣна правъ и преимуществъ дворянства по гражданской службѣ, облегчивъ доступъ къ ней, для непривилегированныхъ сословій, весьма значительно увеличитъ число лицъ, выслуживающихъ дворянство путемъ полученія чиновъ и орденовъ. Такимъ образомъ создается еще новое условіе не дорожить дворянствомъ, что послужитъ, конечно, не къ охранѣ, а къ упадку и распаденію сословія.

Между тѣмъ многія мѣропріятія текущаго царствованія свидѣтельствуютъ, что цѣли и виды государственной власти совсѣмъ иные. Такое внутреннее противорѣчіе находитъ себѣ объясненіе въ черезъ чуръ узкой постановкѣ вопроса. Предположенія проекта не сходятъ съ

точки зрѣнія ближайшихъ, такъ сказать, домашнихъ интересовъ различныхъ департаментовъ, присутствій и канцелярій въ отношеніи пополненія личнаго состава служащихъ. Но государственныя мѣропріятія вообще, а тѣмъ болѣе такія, которыя затрогиваютъ основныя начала права, не могутъ быть разсматриваемы иначе, какъ съ высоты обще-государственныхъ интересовъ, и политическое значеніе и направленіе не могутъ быть приносимы въ жертву утилитарнымъ соображеніямъ. Нельзя одной рукой разрушить то, что созидается другой. Поэтому, если даже допустить, что предположенныя измѣненія въ нашемъ уставѣ о службѣ способны улучшить личный составъ нашего чиновничества,—хотя къ такому допущенію и нѣтъ, впрочемъ, достаточныхъ основаній – то надлежитъ еще рѣшить вопросъ окупятся ли эти выгоды тѣмъ вредомъ, который можно ожидать въ другихъ отношеніяхъ отъ преобразованія. Государственную службу нельзя приравнивать къ службѣ въ торговой конторѣ, которая цѣнитъ исключительно личныя способности своихъ клерковъ.

Уничтоженіе служебныхъ правъ дворянства — это тяжелый ударъ сословію, это дальнѣйшее, его разрушеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и разрушеніе сословнаго строя общества. Существующія

Всесоюзная библиотека

привилегіи дворянства играютъ въ области нашего сословнаго права роль тѣхъ нѣсколькихъ кирпичей полуразрушеннаго зданія, которыми оно только и удерживается отъ неминуемаго паденія.

IV.

Служебныя права дворянъ и образовательный цензъ.

Проектъ отмѣны преимуществъ дворянъ по гражданской службѣ совсѣмъ не относится къ лицамъ высшаго образованія, такъ какъ они и въ настоящее время имѣютъ доступъ на службу и на производство въ чины совершенно независимо отъ ихъ происхожденія. Вопросъ идетъ, слѣдовательно, лишь о получившихъ образованіе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но и относительно уравненія правъ такихъ кандидатовъ на службу по гражданскому вѣдомству, проектъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ переданъ московской газетой, не содержитъ въ себѣ никакихъ мотивовъ практическаго свойства, какъ напр, недостатокъ служащихъ и т. п. Это заставляетъ думать, что такихъ мотивовъ и не существуетъ вовсе. Дѣйствительно, жалобъ на опустѣніе

присутсвенныхъ мѣстъ и канцелярій что то не слышно; и наоборотъ, кто же не знаетъ, какъ трудно въ настоящее время даже образованному человѣку найти себѣ самое скромное занятіе. Мы видѣли выше, что при императрицѣ Екатеринѣ II служебныя преимущества дворянства тщательно охранялись, несмотря на крайнюю нужду въ служащихъ; въ наше время ихъ предполагается отмѣнить, несмотря на явное превышеніе предложенія надъ спросомъ въ этой области труда. Объясненіе этого, очевидно, слѣдуетъ искать въ измѣненіи взгляда на государственное значеніе дворянства.

Въ пользу преобразованія проектъ приводитъ только два мотива: это интересы самого дворянства, котораго привиллегіи будто бы лишь «отклоняютъ» отъ высшаго образованія и «требованія справедливости».

Эта забота объ интересахъ дворянства, которую такъ странно встрѣтить въ проектѣ, уничтожающемъ одно изъ послѣднихъ преимуществъ сословія, едва ли выдерживаетъ критику. Составители проекта исходятъ изъ такого положенія: когда-то дворянство было образовано; но ему были дарованы «чрезмѣрныя преимущества по гражданской службѣ», которыя «все болѣе и болѣе клонятъ къ оскудѣнію его

высшимъ образованіемъ и къ оттѣсненію черезъ то отъ высшихъ поприщъ дѣятельности, какъ въ государственной службѣ, такъ и на литературномъ, напр. поприщѣ». Полная несостоятельность этого утвержденія обнаруживается простой исторической справкой. Мы не знаемъ какое именно время составители проекта считаютъ тѣмъ расцвѣтомъ дворянской образованности, послѣ котораго она начала оскудѣвать. Но во всякомъ случаѣ это время было послѣ императрицы Екатерины II, такъ какъ даже въ ея царствованіе дворянство наше было еще крайне необразовано. Несомнѣннымъ доказательствомъ этому служатъ наказы дворянскимъ депутатамъ коммиссіи по составленію новаго уложенія 1767 г., которые не могли быть подписаны множествомъ дворянъ по ихъ безграмотству; такъ въ михайловскомъ наказѣ мы находимъ 80 подписей постороннихъ лицъ по прошенію; въ числѣ неграмотныхъ были даже подпоручики и капитаны. Такимъ образомъ и расцвѣтъ и послѣдующее «оскудѣніе» дворянской образованности были во времена послѣекатериненскія. Принимая же во вниманіе, что наибольшими служебными привиллегіями дворянство пользовалось при Екатеринѣ и что въ послѣдующее время эти привилегіи только огра-

ничивались, а вовсе не расширялись, мы придемъ къ выводу, что онѣ никакъ не могли служить къ оскудѣнію дворянства просвѣщеніемъ, а развѣ наоборотъ—чего, впрочемъ, мы не утверждаемъ—способствовали развитію послѣдняго. Если дворяне средняго и низшаго образованія и пользуются нѣкоторыми преимуществами предъ одинаково образованными лицами другихъ сословій, то все же эти преимущества столь незначительны передъ пріобрѣтаемыми высшимъ образованіемъ, что побужденіе къ достиженію послѣдняго является въ достаточной мѣрѣ и для дворянъ. Дворяне, окончившіе курсъ въ гимназіи, получаютъ чинъ четырнадцаго класса по прослуженіи года; высшее же образованіе даетъ право на чинъ двѣнадцатаго и десятаго класса при самомъ вступленіи на службу. По нѣкоторымъ же вѣдомствамъ—судебному, учебному и др.—служба безъ высшаго образованія, кромѣ низшихъ должностей, и совсѣмъ невозможна.

Такимъ образомъ, остается единственный мотивъ къ отмѣнѣ служебныхъ правъ дворянства—«требованія справедливости». Но этотъ доводъ—наклонная плоскость. Станьте на нее и вы придете къ самымъ неожиданнымъ выводамъ: къ полному уравненію всѣхъ и вся во всевозмож-

ныхъ правахъ и отношеніяхъ. Разъ государственная служба не составляетъ обязательной для гражданъ повинности и вступленіе въ нее есть актъ свободной воли каждаго, служебные уставы должны удовлетворять исключительно требованіямъ государственной пользы и о нарушеніи чьихъ либо правъ и о «несправедливости» здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Отсутствіе привилегій, конечно, отклоняетъ многихъ лицъ податныхъ сословій отъ вступленія въ гражданскую службу. Но слѣдуетъ ли объ этомъ сожалѣть? Въ этомъ могло бы быть еще сомнѣніе, если бы рѣчь шла о лицахъ высшаго образованія. Но они стоятъ внѣ вопроса. Что же касается кандидатовъ съ низшимъ и среднимъ образованіемъ, то забота о привлеченіи ихъ къ государственой службѣ едва ли имѣетъ достаточное основаніе. У насъ и такъ расплодилось слишкомъ много народа неспособнаго ни къ чему кромѣ «письменныхъ занятій». Отвлеченіе болѣе или менѣе образованныхъ людей отъ производительнаго труда на поприщѣ земледѣлія, промышленности и торговли, имѣетъ за себя тѣмъ меньшее оправданіе, что у насъ существуетъ обширный разрядъ исконныхъ служилыхъ людей— безземельныхъ дворяхъ, дѣтей чиновниковъ и

т. д.—не имѣющихъ для промышленной дѣятельности ни необходимыхъ капиталовъ, ни связей и навыковъ. То же можно сказать отчасти и о помѣстномъ дворянствѣ: наиболѣе производительная служебная дѣятельность его въ мѣстномъ управленіи далеко не поглащаетъ всѣхъ его силъ и небогатые дворяне, а также члены многолюдныхъ семей по обычаю и традиціямъ главнымъ образомъ пополняютъ собою ряды государственной службы.

Совершенно отвергая права на службу на основаніи происхожденія, проектъ кладетъ въ основу служебныхъ привилегій единственно лишь степень образованія. Этимъ устанавливается совершенно новое начало въ организаціи нашей государственной службы. До настоящаго времени основнымъ историческимъ принципомъ нашего права было предоставленіе ея дворянству. Разночинство лишь допускалось къ этой службѣ при наличности условій образованія. Отмѣняя сословныя привилегія, проектъ предоставляетъ государственную службу болѣе или менѣе образованнымъ людямъ всѣхъ сословій. Этотъ именно безсословный разрядъ гражданъ съ недавняго сравнительно времени и принято называть «интеллигенціей». Новое начало заключается въ томъ, что въ области государ-

ственной службы мѣсто дворянства всецѣло предоставляется «интеллигенціи».

Принципіальная и практическая важность такого преобразованія очевидна. Мы знаемъ, что такое наше дворянство. Не принадлежа къ безусловнымъ поклонникамъ этого сословія и видя многіе и многіе его недостатки и изъяны, все же можно утверждать, что оно представляетъ старую, испытанную и хорошо извѣстную государственной власти бытовую и служебную силу, еще не вполнѣ утратившую своей организаціи и сохранившую свои лучшіе традиціи и навыки. Но что такое наша «интеллигенція»? Что представляетъ она собою съ государственно-исторической точки зрѣнія? Отвѣтить на эти вопросы уже гораздо труднѣе, да и самый отвѣтъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Для нашей цѣли достаточно сказать, что если наша интеллигенція и представляетъ собою силу, то эта сила совсѣмъ новая, считающая свое прошлое чуть не со вчерашняго дня и по одному этому неимѣющая уже ни устойчивыхъ воззрѣній, ни преданій и завѣтовъ. Самое меньшее, что можно сказать объ ея отношеніяхъ къ историческимъ основамъ нашей государственности, это то, что эти отношенія были лишь отрицательными; самое лучшее, что можно ска-

зать о ея государственной роли и значеніи, это то, что они еще недостаточно выяснились... Невыгода замѣны исконнаго служилаго сословія такимъ новымъ безформеннымъ и неперебродившимъ «разрядомъ» людей—слишкомъ очевидна.

Извѣстный уровень образованности, конечно, составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ условій государственной службы и наше законодательство всегда цѣнило его высоко. Но безспорно также, что одного этого условія еще недостаточно, и что служилые люди страны должны удовлетворять и другому не менѣе важному требованію. Это требованіе—преданность кореннымъ основамъ государственной жизни. Въ монархической странѣ государственный дѣятель республиканскихъ убѣжденій представляетъ собою явленіе столь же анормальное, какъ и монархистъ на службѣ у республики. Такія коллизіи между убѣжденіями и долгомъ, если и могутъ въ благопріятныхъ случаяхъ разрѣшаться въ пользу послѣдняго, все же составляютъ больное мѣсто правительства, а при стеченіи извѣстныхъ условій могутъ осложниться и въ серьезную опасность для спокойствія страны. Обстоятельство это имѣетъ особую важность въ нашемъ отечествѣ, такъ какъ наша бюрократія

фактически составляетъ немаловажную не только исполнительную, но и направляющую силу и въ послѣднюю четверть вѣка значительно демократизировалась. Этимъ отчасти объясняется такое неудачное направленіе многихъ реформъ прошлаго царствованія со всѣми его послѣдствіями. Кромѣ умственнаго и нравственнаго ценза для государственной службы необходимъ и цензъ политическій, составляющій главное отличіе общественной службы отъ частной. Въ «доброе старое время» обстоятельство это не имѣло столь существеннаго значенія, какъ въ наше, когда чуть не каждый столоначальникъ не довольствуется простымъ исполненіемъ закона и распоряженій, а еще стремится «проводить свои убѣжденія», заимствованныя изъ послѣдняго бойкаго фельетона. Въ отношеніи такого политическаго ценза преимущества дворянства передъ «интеллигенціей» вполнѣ очевидны, несмотря даже на нѣкоторую неустойчивость и склонность къ безпочвеннымъ увлеченіямъ, въ которыхъ небезгрѣшно наше высшее историческое сословіе.

Разсматриваемое нами преобразованіе касается исключительно гражданскаго вѣдомства. По отношенію къ военной службѣ, какъ извѣстно, аналогичная мѣра была принята еще въ прош-

лое царствованіе и преимущества въ военной службѣ обусловливаются исключительно степенью образованія. О вліяніи этой мѣры на нашу армію мнѣнія расходятся. Но если согласиться даже, что она не имѣла вредныхъ послѣдствій, то обстоятельство это отнюдь не можетъ служить доводомъ въ пользу разсматриваемаго нами проекта. Суровая дисциплина и особенности военнаго быта представляютъ условія, достаточно могучія для надлежащей переработки того матеріала, который доставляется въ армію вновь вступающею молодежью, уже подготовленной къ тому же вполнѣ своеобразнымъ воспитаніемъ въ профессіональныхъ школахъ. Эти условія въ значительной мѣрѣ сглаживаютъ и уравниваютъ вліяніе первоначальнаго воспитанія и среды. Но и помимо этого наше войско представляетъ такой сложный организмъ, слагавшійся подвигами многихъ столѣтій и богатый славными примѣрами, преданіями и воинскимъ духомъ, что онъ способенъ долгое время ассимилировать въ себѣ матеріалъ, быть можетъ и непригодный для юной и несложившейся арміи.

Но какъ бы ни отразилось преобразованіе на самомъ корпусѣ офицеровъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ политическомъ отно-

шеніи оно было однимъ изъ условій, способствовавшихъ паденію дворянства. Аналогичная мѣра во Франціи была принята еще во времена Ришелье, но французскіе roturiers были допущены въ армію, какъ сила, которую необходимо было противопоставить крамольному дворянству—положеніе, не имѣющее себѣ подобнаго въ нашей исторіи.

Однимъ изъ прямыхъ послѣдствій уравненія служебныхъ правъ всѣхъ сословій будетъ облегченіе полученія чиновъ для значительной части служащихъ. Нельзя не сказать, что въ этомъ направленіи мы зашли уже довольно далеко и нигдѣ, кажется, чины не достаются такъ легко, какъ у насъ. Безусые юноши со школьной скамьи, не только ничѣмъ незаявившіе себя по службѣ, но быть можетъ и неспособные принести ей ничего кромѣ вреда, уже прямо производятся въ чинъ двѣнадцатаго, десятаго и даже восьмаго класса. И такія «привилегіи» отнюдь не составляютъ чего либо исключительнаго: коллежскіе секретари и ассесоры—чины соотвѣтствующіе чинамъ штабсъ-капитана и маіора арміи – ежегодно цѣлыми толпами выпускаются въ готовомъ видѣ нашими высшими учебными заведеніями. А такъ какъ человѣку не свойственно цѣнить то, что легко ему дос-

тается, то естественнымъ результатомъ излишней доступности гражданскихъ чиновъ явилось легкое и ироническое—если не сказать пренебрежительное—къ нимъ отношеніе Понятіе о чинѣ, какъ о царской милости почти утратилось; на чины смотрятъ какъ на какую то старинную формальность, которая въ свое время неизбѣжно постигаетъ каждаго; причудливыя же нѣмецкія названія, несмотря на свое почти двухъ-вѣковое существованіе, не успѣли пріучить къ себѣ русское ухо и попрежнему заключаютъ въ себѣ нѣчто для него комическое.

Иностранцы, посѣщающіе Россію бываютъ изумлены тѣмъ, что чины и ордена цѣнятся у насъ гораздо меньше, чѣмъ даже въ странахъ съ чисто республиканскимъ устройствомъ, въ которыхъ самый основной принципъ всеобщаго равенства находится въ полномъ противорѣчіи со всякими знаками отличія. Такое положеніе вещей, едва ли способствующее поддержанію столь необходимаго государственной службѣ престижа, могло, казалось бы, послужить основаніемъ къ установленію болѣе строгихъ требованій при производствѣ въ чины и представленіи къ знакамъ отличія, а никакъ не къ облегченіямъ, предлагаемымъ проектомъ. Говоря проще, наша «интеллигенція» слишкомъ наба-

лована въ этомъ отношеніи государственной властью, и дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи едва ли были бы въ интересахъ послѣдней.

Лишая правъ службы лицъ, окончившихъ курсъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—уѣздныя и городскія училища—проектъ нѣсколько поднимаетъ образовательный цензъ нашей гражданской службы вообще. Этому нововведенію, конечно, нельзя не сочувствовать, тѣмъ болѣе, что оно не встрѣтитъ рѣшительно никакихъ практическихъ препятствій. Нынѣ дѣйствующія требованія были установлены чуть не полвѣка назадъ, когда въ Россіи было въ нѣсколько разъ меньше и учебныхъ заведеній, и учащихся. Возвышеніе обязательнаго уровня образованія чиновничества должно явиться необходимымъ послѣдствіемъ сильнаго подъема нашего просвѣщенія въ теченіе прошлаго и настоящаго царствованій. Но нечего и говорить, что это возвышеніе отнюдь не препятствуетъ сохраненію въ законодательствѣ, одного изъ основныхъ его принциповъ—преимуществъ по службѣ исконнаго служилаго сословія.

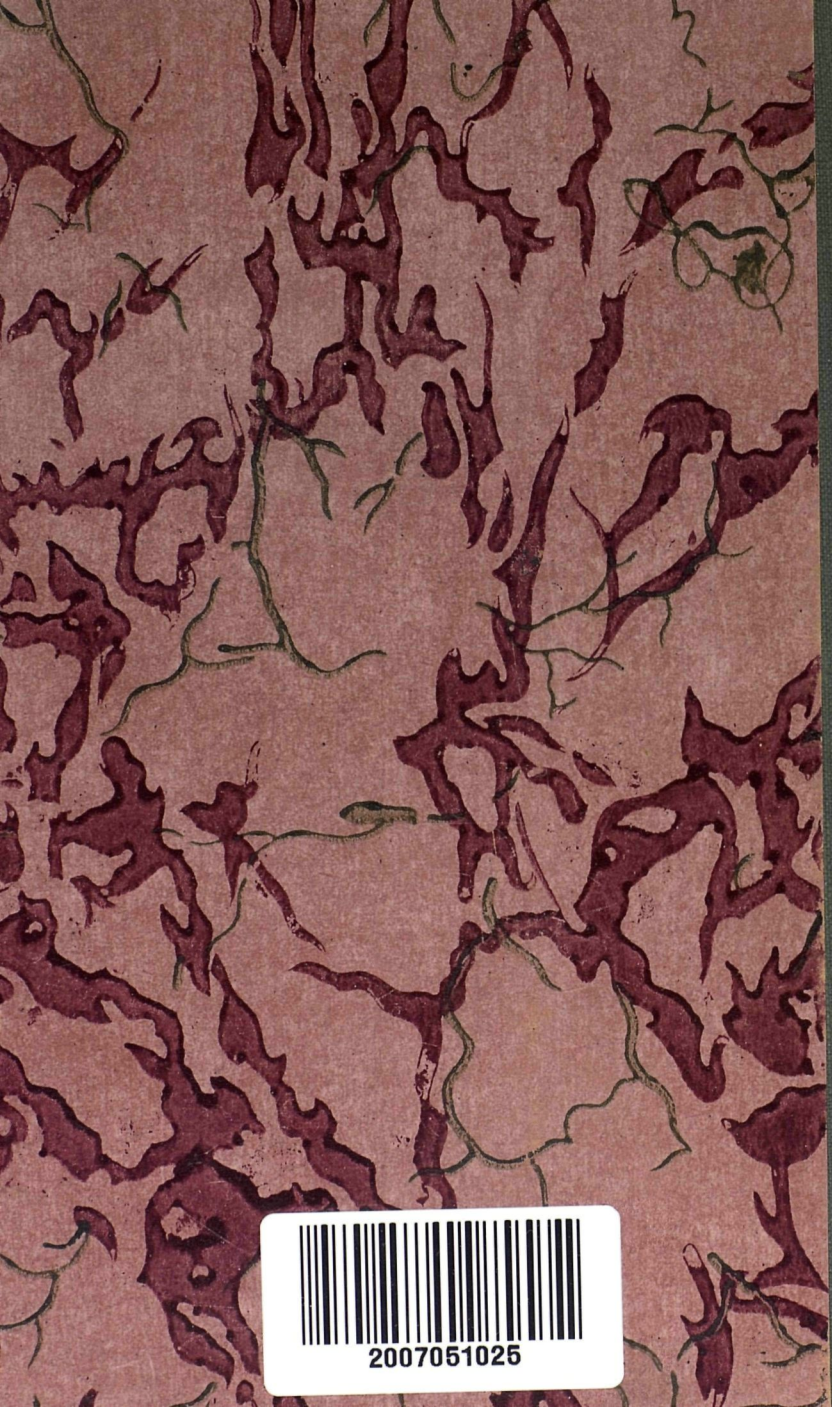
Мы пережили уже одинъ періодъ въ отношеніи условій, предъявляемыхъ государственной властью къ своимъ служилымъ людямъ: это до-петровская Русь, когда право на службу

обусловливалось единственно происхожденіемъ. Переживаемый нами нынѣ со временъ Петра Великаго второй періодъ, помимо происхожденія, выдвинулъ и вопросъ о образованіи. Степень послѣдняго съ развитіемъ просвѣщенія должна возрастать и усиленіе требованій въ этомъ отношеніи составляетъ единственное направленіе, въ которомъ можетъ двигаться впередъ наше законодательство о службѣ, не разрушая сословнаго строя общества.

Вообще въ нашихъ уставахъ о службѣ многое устарѣло и требуетъ измѣненій, но исконный основной принципъ ихъ права и преимущества служилаго сословія—долженъ быть сохраненъ.

Конечно, для полнаго возвращенія къ историческимъ началамъ необходимо было бы возстановить также обязательность дворянской службы.

Безусловно сочувствуя этой мѣрѣ, мы не касаемся ея здѣсь единственно лишь потому, что это выходило бы за предѣлы нашей задачи.

2007051025